Опыт Международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде

Поль Тавернье[1]

О создании международного уголовного суда люди мечтали давно, и постепенно эта мечта становится реальностью. Статья 227 Версальского договора 1919 г. предусматривала предание международному суду германского императора Вильгельма II, «совершившего тягчайшее преступление против международной нравственности и священной власти договоров». Но, поскольку Нидерланды отказались выдать обвиняемого, этот процесс так и не состоялся, а Вильгельм II умер в 1941 г. в нидерландском изгнании. Статьи 228 и 229 предусматривали наказание военных преступников и были применены на практике в ходе Лейпцигского процесса, который не оправдал возлагавшихся на него надежд. Состоявшиеся после Второй мировой войны процессы в Нюрнберге и Токио явились, несомненно, важной вехой на пути создания подлинно международного судебного органа. Однако на них наложили сильный отпечаток исторические условия, и они явились применением в большей степени права победителей, нежели всемирного сообщества государств.

В течение более 45 лет это сообщество, представленное ООН, пыталось извлечь уроки из Нюрнберга, чтобы создать постоянно действующий орган международного правосудия, который бы применял международный уголовный кодекс. Но эти усилия оказались тщетными, а дискуссии, имевшие место на заседаниях Комиссии международного права, которой поручили разработать кодекс преступлений против мира и международной безопасности, а также устав международного уголовного суда, затянулись и оказались бесплодными — к великому разочарованию юристов и некоторых идеалистов. По словам Мохамеда Беннуны, который настаивает на том, что государственный сувере-

---

[1] **Поль Тавернье** — преподаватель Парижского университета XI и директор Научно-исследовательского центра прав человека и гуманитарного права. Он преподавал международное право и международные отношения в университетах Парижа, Алжира, Гренобля и Руана. В его исследованиях и опубликованных работах рассматриваются также вопросы международного гуманитарного права.

Статья написана на французском языке.

нитет является препятствием на пути к решению этой проблемы, «эксперты и политики бойко ведут между собой диалог глухих, причем первые увлекаются перечислением имеющихся юридических методов, а вторые — не проявляют ни готовности, ни решительности сделать главный выбор»[1]. Автор приходит к очень неутешительному выводу: «Создание Международного уголовного суда по-прежнему остается упражнением в построении отвлеченных теорий. Но это упражнение может стать опасным, если его неправильно выполняют суверенные государства, стремящиеся оправдать свершившиеся факты или успокоить совесть сильных мира сего»[2].

Только тогда, когда мир потрясли трагические события, последовавшие за распадом бывшей Югославии, международное сообщество благодаря смелым докладам Тадеуша Мазовецкого перестало закрывать глаза на совершенные преступления и согласилось создать Международный трибунал по бывшей Югославии, который был учрежден на основании резолюций 808 и 827 Совета Безопасности ООН, принятых 22 февраля и 25 мая 1993 г. Еще один трибунал был образован для того, чтобы судить виновных в нарушениях международного гуманитарного права, совершенных в Руанде: основанием для его создания явилась резолюция 955 Совета Безопасности от 8 ноября 1994 г. Эти два судебных органа являются независимыми, но имеют много общего, более того — их связывают довольно прочные институциональные отношения. На сегодняшний день это единственные уголовные суды, учрежденные международным сообществом в целом, их создание не было навязано побежденным странам государствами, победившими в международном конфликте. Однако еще до 1993 г. предлагали создать международный уголовный суд, чтобы судить за военные преступления, совершенные США во Вьетнаме, или предать суду Саддама Хусейна, виновника иракской агрессии против Ирана[3]. После 1993–1994 гг. вносились предложения о создании новых специальных трибуналов для суда над лицами, совершившими военные преступления в Чечне, Бурунди, Заире (недавно вновь получившем название Конго). А недавно выдвинули предложение о том, чтобы перед таким судом предстал Пол Пот, виновник геноцида в Камбодже.

Тем не менее некоторые достаточно резко критиковали создание специальных международных трибуналов, которые могут служить прикрытием для великих держав, проводящих пристрастную политику, а также предлогом для того, чтобы отложить на неопределенное время создание постоянного международного уголовного суда[4]. Что касается нас, наше отношение к деятельности двух Международных трибуналов не столь однозначно. У них есть

---

[1] *Mohamed Bennouna.* La création d'une juridiction pénale internationale et la souveraineté des Etats. — Annuaire français de droit international, 1990, pp. 299–306, notamment p. 300.

[2] *Ibid.,* p. 306.

[3] См. *Ige F. Dekker.* Criminal Responsibility and the GulfWar of 1980–1988: The Crime of Aggression. — *Ige F. Dekker, Harry G. Post* (eds.). The GulfWar of 1980–1988. Martinus Nijhoff, Dordrecht, 1992, pp. 249–268, in particular pp. 266–268.

[4] См., например, *Olivier Russbach.* ONU contre ONU, le droit international confisqué. La Découverte, Paris, 1994, p. 312, et «Une justice internationale à la carte». — Politique internationale, n° 67, printemps 1995, pp. 313–326.

одно несомненное достоинство: они уже существуют и работают[1]. Они уже вынесли немало важных решений. Международный трибунал по бывшей Югославии вынес уже два обвинительных приговора, и, как показывают аресты, произведенные летом 1997 г., кольцо сжимается вокруг обвиняемых Трибуналом военных преступников. Первые процессы должен организовать Трибунал по Руанде. Однако результаты деятельности этих двух судебных учреждений не могут не разочаровывать, и причин тому немало. Их деятельность носит далеко не всеобъемлющий и слишком двойственный характер, и в то же время этот опыт ценен и может многому научить: эти Трибуналы сыграют, без сомнения, решающую роль в создании постоянного международного уголовного суда (эта возможность уже вырисовывается) и применении международного гуманитарного права, нарушения которого не должны больше оставаться безнаказанными.

Неоднозначный опыт

Несмотря на то что юристы уже давно размышляют над условиями, необходимыми для создания международного трибунала, учреждение специальных Трибуналов по бывшей Югославии и Руанде было в значительной мере импровизацией. Вследствие этого возникло много неясностей, которые обнаружились и в процедуре учреждения этих двух органов, и в неопределенности приданного им правового статуса.

Неопределенность процедуры создания Трибуналов

Две кризисные ситуации, чрезвычайные и явившиеся в большой мере неожиданностью, хотя угроза их возникновения существовала уже многие годы, вынудили международное сообщество срочно отреагировать на эти ужасные события. Несмотря на то что события, которыми сопровождался распад бывшей Югославии, никак нельзя сравнить с геноцидом в Руанде, в обоих случаях сразу же возникла необходимость подвергнуть уголовному преследованию лиц, совершивших весьма серьезные нарушения международного гуманитарного права, и учредить для этого орган международного правосудия. Создание Международного трибунала по бывшей Югославии явилось полезным примером, который без труда можно было использовать в Руанде.

Что касается процедуры создания этих Трибуналов, то здесь имелось две возможности. Можно было избрать традиционный путь, то есть путь разработ-

[1] Несмотря на критику, которой подвергался Трибунал по Руанде, и на пережитый им кризис, деятельность Трибунала отнюдь не осталась бесплодной. См. *Cyril Laucci.* Quelques aspects de l'actualité des Tribunaux pénaux internationaux pour l'ex-Yougoslavie et le Rwanda. — L'Observateur des Nations Unies, nº 2, 1997, pp. 119–137, в частности на с. 136 читаем: «Результаты деятельности Трибунала в Аруше показывают, что он не так уж плохо справляется со своей работой». Из 21 обвиняемого 13 человек были арестованы, в то время как Трибунал по бывшей Югославии выдвинул обвинения против 74 человек, из которых до декабря 1996 г. арестовали и доставили в Гаагу только семерых.

ки и заключения договора или соглашения — на это ушло бы много времени, и Трибунал смог бы приступить к работе лишь с большой задержкой, в результате чего его процедуры оказались бы в значительной степени неэффективными. Безотлагательность проблемы требовала отказаться от этого порядка действий и пойти по пути односторонних решений, которые, при нынешнем состоянии международного сообщества, могут исходить только от Совета Безопасности ООН. Так и было сделано, а правовой основой для принятия резолюций Совета послужила глава VII Устава ООН.

Этот выбор, во многом навязанный обстоятельствами, имел как преимущества, так и недостатки; он был чреват определенными последствиями и вызвал некоторые вопросы. С одной стороны, такое решение оказалось эффективным, поскольку оба Трибунала созданы в короткий срок и немедленно приступили к работе[1]. С другой — судьба Трибуналов зависит от Совета Безопасности, органа ООН, в который входит лишь небольшое число членов, причем пять великих держав имеют право вето. Кроме того, в финансовом плане Трибуналы зависят от решений, принимаемых Генеральной Ассамблеей — пленарным органом ООН, и нередко звучали критические выступления, в которых указывалось, что средств выделяется недостаточно.

Кроме того, неизбежно встал вопрос о том, компетентен ли Совет Безопасности своей властью создавать такого рода судебные органы: нигде в Уставе ООН в прямой форме подобные полномочия ему не предоставляются. Этот вопрос обсуждался в ходе рассмотрения дела Тадича, но, по сути дела, речь шла о весьма щекотливой проблеме контроля над решениями Совета Безопасности со стороны международного судебного органа. В настоящее время этой проблемой занимается Международный суд ООН, который рассматривает дело Локерби. В решении от 10 августа 1995 г. Камера первой инстанции Трибунала по бывшей Югославии уклонилась от рассмотрения этого вопроса, но Апелляционная камера решительно высказалась на этот счет в решении от 2 октября 1995 г.

То, что для создания Трибуналов был выбран Совет Безопасности, имело и другие последствия. Срочность, с которой необходимо было учредить эти органы, не позволила по-настоящему обсудить этот вопрос в Совете. Некоторые технические недостатки принятых документов можно было бы устранить, если бы состоялось более глубокое обсуждение. Конечно, различные государства представили свои проекты, а Секретариат ООН учел их. Поражает, какую большую, может быть чрезмерно большую, роль сыграла в этом процессе юридическая служба ООН, целиком подготовившая тексты уставов обоих Трибуналов, в которые Совет Безопасности не внес никаких изменений (если не считать не-

[1] В связи с этим можно вспомнить Трибунал по морскому праву, юрисдикция которого распространяется на совершенно иную область. Его учреждение предусмотрено Конвенцией ООН по морскому праву (Монтего-Бей) 1982 г., но создан он был только после того, как Конвенция вступила в силу в 1994 г.; этот Трибунал пока не рассмотрел ни одного дела. В области гуманитарного права судьба Международной комиссии по установлению фактов, создание которой предусмотрено Протоколом I от 1977 г. (статья 90), также показательна с точки зрения влияния, которое суверенитет государств оказывает на судебные органы или иные органы, обладающие судебными функциями, в том числе и на органы расследования.

значительных изменений в тексте Устава Трибунала по Руанде)[1]. В результате появился документ, недостаточно полный, сделанный, как может показаться, без должной тщательности. Но особенно огорчает, что доклад, представленный генеральным секретарем ООН, так и не восполнил отсутствие подготовительной работы, что осложнило задачу тех, кто призван толковать эти уставы, в частности — самих судей. С другой стороны, как ни парадоксально, часто они могут совершенно свободно толковать эти документы, исходя из того, что им кажется наиболее уместным, эффективным и целесообразным в тех или иных обстоятельствах. Независимо от этого за судьями обоих Трибуналов была признана важная роль в разработке норм, регулирующих деятельность этих органов. Судьи должны принимать «правила процедуры и доказывания в отношении проведения досудебного этапа разбирательства, разбирательства и обжалования, принятия доказательств, защиты потерпевших и свидетелей и других соответствующих вопросов» (статья 15 Устава Международного трибунала по бывшей Югославии)[2]. Уже приняты очень подробные правила процедуры и доказывания, в которых решены важные вопросы и которые получили высокую оценку как поистине международный кодекс уголовной процедуры, который не подвергается какому-либо контролю со стороны Совета Безопасности. Неоднократно в него вносили поправки, что создает впечатление некоторой импровизации.

Неопределенность процедуры создания Трибуналов по бывшей Югославии и Руанде проявилась также в вопросе об обязательном характере решений Совета Безопасности и требовании сотрудничества со стороны государств. С самого начала стало ясно, что указанные проблемы должны быть в центре дискуссии, если речь шла действительно о создании по-настоящему эффективного международного уголовного суда, и последующие события полностью подтвердили это. Тем не менее не все здесь ясно. Все наблюдатели и комментаторы, конечно, подчеркивали, что Совет Безопасности позаботился о том, чтобы обосновать свои резолюции положениями главы VII, но очень немногие из них отметили, что этот орган ООН с ограниченным представительством может принимать на этой основе не только решения, но и простые рекомендации[3]. Что же касается обязательного характера решений Совета Безопасности, он обусловлен статьями 25 и 103 Устава[4], однако бесспорность

---

[1] Некоторые авторы приуменьшают роль Секретариата ООН в разработке Уставов: см., например, *Philippe Weckel.* L'institution d'un tribunal international pour la répression des crimes de droit humanitaire en Yougoslavie. — Annuaire français de droit international, 1993, pp. 232–261. Другие придерживаются противоположного мнения: *Daphna Shraga, Ralph Zacklin.* The International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia. — European Journal of International Law/Joumal européen de droit international, 1994, pp. 360–380, in particular p. 362.

[2] У Международного трибунала по Руанде не столь широкие полномочия, так как статья 14 его Устава предусматривает, что он должен применять правила процедуры, используемые Международным трибуналом для бывшей Югославии, с учетом изменений, которые сочтет необходимыми.

[3] См. *Hervé Ascensio, Alain Pellet.* L'activité du Tribunal pénal international pour l'ex-Yougoslavie (1993–1995). — Annuaire français de droit international, 1995, pp. 101–136 (в частности, с. 119 по поводу решения Апелляционной камеры по делу Тадича (2 октября 1995 г.).

[4] На статью 103 допустимо, например, ссылаться, отказываясь от выполнения соглашений о выдаче, в том случае, если передачу обвиняемого Международному трибуналу можно приравнивать к выдаче.

подобных утверждений ставится под сомнение некоторыми юристами, хотя, признаем, их меньшинство[1].

Что касается сотрудничества государств, его обязательный характер оговаривается в статье 29 Устава Международного трибунала по бывшей Югославии и в статье 28 Устава Международного трибунала по Руанде. Текст Устава Трибунала по бывшей Югославии прилагается к докладу генерального секретаря, утвержденному Советом Безопасности, Устав же Трибунала по Руанде — к резолюции Совета Безопасности, и этот документ обладает, следовательно, такой же юридической силой. Кроме того, в резолюциях Совета Безопасности о создании Трибуналов содержится пункт, в котором подчеркивается обязательный характер сотрудничества государств с Трибуналами (пункт 4 резолюции 827 по Международному трибуналу по бывшей Югославии и пункт 2 резолюции 955 по Международному трибуналу по Руанде).

Однако никак нельзя сказать, что закрепление обязанности государств сотрудничать с Трибуналами и обязательности решений Трибуналов устраняет всякую неясность и двойственность. Поскольку положения уставов касаются только государств, возник вопрос о том, применимы ли они к негосударственным образованиям (например, сербским или хорватским властям в Боснии) или к отдельным лицам. Кроме того, несмотря на обязательный характер решений Трибунала, их выполнение часто обусловлено принятием внутригосударственных законодательных актов даже в таких странах, которые последовательно придерживаются монистической традиции (например, Франция). Трудности эти объясняются в основном неопределенностью самого статуса Трибуналов.

Неопределенность статуса Трибуналов

Поскольку процесс создания обоих специальных Трибуналов протекал чрезвычайно быстро, не удалось устранить некоторые неясности, касающиеся их статуса. Не ясна прежде всего цель создания этих судебных органов, не ясно, и на основе какого права — прецедентного или статутного — должна строиться их деятельность. Что касается предназначения Международных трибуналов, то оно обусловлено процедурой, которая выбрана для их создания или навязана обстоятельствами. Действительно, эта процедура не была нейтральной: доверить учреждение этих судов Совету Безопасности ООН равнозначно тому, чтобы провозгласить главенство требований по поддержанию мира над требованиями права или правосудия. Это вовсе не означает, что требования правосудия постоянно игнорируются — наоборот, они подчеркиваются в Уставах. Но в конечном счете в случае возникновения какого-либо конфликта соображения, связанные с поддержанием мира, сыграли бы решающую роль. Ведь именно такой опасности постоянно подвергаются функционирование и само существование специальных судебных органов.

---

[1] См. *Paul Tavernier.* Le caractère obligatoire de la résolution 598 (1987) du Conseil de sécurité relative à la Guerre du Golfe. — Journal européen de droit international/European Journal of International Law, vol. I, n° 1–2, 1990, pp. 278–285.

Резолюции Совета Безопасности, принятые на основании главы VII Устава ООН, где говорится об определении существования любой угрозы миру и международной безопасности (статья 39), предусматривают не только создание Трибуналов — в силу принципа параллелизма форм Совет Безопасности и прекращает их деятельность, то есть распускает. После заключения Дейтонских соглашений опасались, что так и произойдет, а в тот момент Международный трибунал по бывшей Югославии только начал свою работу. Роспуск специальных Трибуналов вызовет, несомненно, множество проблем, связанных, например, со сроками, в течение которых стороны имеют право осуществлять определенного рода обжалования (апелляция, пересмотр), или с тесными отношениями, существующими между обоими Трибуналами (в случае роспуска одного из них, например Международного трибунала по бывшей Югославии).

Взаимосвязь между статусом специальных Трибуналов и поддержанием мира просматривается также в положениях, касающихся выполнения решения Трибунала. Это относится в первую очередь к государствам, но если они не выполняют своих обязательств, необходимо вмешательство Совета Безопасности (см., например, статьи 11, 59 и 61 Правил процедуры и доказывания Международного трибунала по бывшей Югославии). В результате Совет Безопасности выступает в качестве некоего силового органа Международных трибуналов. На деле же, когда такое обращение поступает в СБ, он ограничивается лишь тем, что напоминает государствам об их обязательствах или принимает новые резолюции или обращения. Положение, таким образом, практически не изменилось: ведь именно так необходимо действовать (подобных случаев было очень мало) в соответствии со статьей 94 Устава ООН в отношении приведения в исполнение решений Международного суда.

Особое внимание обращается на необходимость обеспечить поддержание мира, а это может, как неоднократно подчеркивалось, способствовать тому, что некоторые высокопоставленные лица останутся безнаказанными, а эффективность работы Трибуналов снизится. Чтобы добиться заключения мирного договора, международному сообществу приходится вести переговоры с теми руководителями, которые обладали самыми широкими полномочиями; причем некоторым из них Трибунал официально предъявил обвинения (об этом красноречиво свидетельствует дело Караджича и Младича, которых не удалось арестовать, несмотря на то, что после заключения Дейтонских соглашений они больше не являются официально признанными политическими лидерами).

По сравнению с этим главным противоречием между требованиями правосудия и поддержанием мира незначительными могут показаться недоразумения, вызванные неопределенностью формулировок Уставов в отношении выбора правовой системы, которую Трибуналы должны применять. Однако такие колебания оказывают сильное влияние на деятельность этих органов, затрудняя ее и создавая впечатление, что она имеет несколько хаотический характер. Действительно, в том, что касается уголовной процедуры, происходит противостояние двух резко отличающихся друг от друга систем: процедуры обвинительного типа, которая сегодня применяется в странах с англосаксонской

правовой системой, и процедуры инквизиционного типа, которая характерна для стран с континентальной правовой системой. Устав Международного трибунала по бывшей Югославии, послуживший примером при подготовке Устава Трибунала по Руанде, разработали Юридическая служба ООН и юристы англосаксонской школы. Таким образом, его авторы руководствовались именно этим правом, которое уже применялось в Нюрнберге. Однако, сделав такой выбор, они не довели дело до конца, проявив определенную непоследовательность, чем и объясняются некоторые двусмысленные моменты. Это вызвало неоднозначные, а порой и весьма критичные замечания как специалистов континентального права, так и юристов, придерживающихся англосаксонской системы, в отношении принимаемых специальными Трибуналами решений, в частности по таким весьма деликатным вопросам, как соблюдение норм справедливого судебного разбирательства и заочное рассмотрение дела.

Трибуналы уже рассмотрели немало дел, но тем не менее не удалось устранить все двусмысленности, которые продолжают возникать и, несомненно, будут возникать и в дальнейшем. Несмотря на это, Трибуналы накопили опыт, во многих отношениях чрезвычайно важный и имеющий решающее значение.

Опыт, имеющий решающее значение

В ходе работы обоих Международных трибуналов были подняты самые разнообразные вопросы, а их богатая практика может многому научить. Решения Международного трибунала по бывшей Югославии, наиболее многочисленные, широко комментировались в средствах массовой информации, а также юристами.

Эта судебная практика, которую нельзя больше игнорировать, учитывая важный вклад, вносимый ею в международное и гуманитарное право, заслуживает того, чтобы знания о ней шире распространялись, чтобы ее глубже понимали и более основательно изучали, в частности в университетах. Эта практика свидетельствует о стремлении добиться эффективности работы судебных органов, созданных в 1993 и 1994 гг. Во многих отношениях эта практика носит конструктивный характер и может послужить примером для будущего постоянного уголовного суда.

Международный уголовный судебный орган, стремящийся работать эффективно

Совет Безопасности мог бы создать единый судебный орган, распространив компетенцию Трибунала для бывшей Югославии на нарушения гуманитарного права, совершенные в Руанде. Этот вариант, который был бы оправданным с точки зрения экономии и эффективности, после рассмотрения отвергли. Было решено создать второй специальный трибунал, который по своей структуре настолько походит на первый, что может показаться его копией[1]. Однако этот ор-

[1] *Mutoy Mubiala*. Le Tribunal international pour le Rwanda: vraie ou fausse copie du Tribunal pénal international pour l'ex-Yougoslavie. — Revue générale de droit international public, 1995, pp. 929–954.

ган является отдельным и независимым, несмотря на наличие многочисленных институционных связей. У обоих Трибуналов один и тот же обвинитель (статья 15 Устава Международного трибунала по Руанде); для оказания помощи при судебном преследовании лиц в Международном трибунале по Руанде предусмотрена должность заместителя обвинителя, что позволяет в какой-то мере придерживаться последовательной политики при рассмотрении дел и осуществлении судебного преследования; следует особо отметить, что члены Апелляционной камеры Международного трибунала по бывшей Югославии являются также членами Апелляционной камеры Международного трибунала по Руанде (статья 12 Устава Международного трибунала по Руанде). К тому же правила процедуры, используемые Трибуналом по бывшей Югославии, применяются *mutatis mutandis* Трибуналом по Руанде (статья 14 Устава Международного трибунала по Руанде). Близость обоих судебных органов обусловливается главным образом тем, что их Апелляционные камеры имеют один и тот же состав[1] — это должно обеспечивать единство судебной практики Камер первой инстанции каждого из Трибуналов, а также самих этих Трибуналов. Члены этой Камеры еще не рассматривали апелляции по руандийским делам, но уже вынесли несколько важных решений по Югославии (в частности, по делу Тадича). Такая практика свидетельствует о существовании судебного органа, который стремится быть эффективным, устраняя недостатки Устава и придавая большое значение необходимому сотрудничеству с государствами.

Судьи Международного трибунала по бывшей Югославии выступили новаторами при разработке многих положений Правил процедуры и доказывания. Они попытались устранить некоторые недостатки и просчеты Устава. Больше всего известна в этом смысле предусмотренная статьей 61 процедура, которую уже неоднократно применяли (дела Николича; Мартича; дело Мркшича, Радича и Шлийванчанина; дело о Вуковарской больнице; дела Райича; Караджича; Младича)[2]. Эта процедура призвана способствовать решению проблемы, возникающей в результате неисполнения постановления об аресте, выданного одним из судей Трибунала, а также при невозможности заочного (или *in absentia)* рассмотрения дела. Она позволяет проводить публичное слушание и допрашивать свидетелей в Камере первой инстанции, которая может подтвердить обвинительное заключение, дополнить или изменить его, а также выдать вручаемый всем государствам международный ордер на арест. Обвиняемый превращается, таким образом, в изгоя везде, где бы он ни оказался.

В Уставах обоих Трибуналов не предусматривается заочных процессов — это объясняется нежеланием стран с англосаксонской правовой системой проводить судебное разбирательство в отсутствие обвиняемого, что противоречит

---

[1] Состав Камер, в частности Апелляционной камеры, может вызвать определенные трудности, если учитывать положения, касающиеся отвода судей или обстоятельств, препятствующих деятельности судей (статья 15 Правил процедуры и доказывания Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии). Кроме того, состав Апелляционной камеры должен в большей степени отражать состав обоих Трибуналов, а не одного Трибунала по бывшей Югославии.

[2] *Faïza Patel King, Anne-Marie La Rosa.* The Jurisprudence of the Yugoslavia Tribunal: 1994–1996. — European Journal of International Law/Journal européen de droit international, 1997, pp. 123–179, notamment 128–142.

концепции справедливого судебного процесса. Это упущение вызвало большое разочарование у юристов из стран с континентальной правовой системой (например, во французском проекте устава предусматривалось заочное рассмотрение дел[1]). Такое рассмотрение гарантировало бы Трибуналу определенную эффективность даже в случае отказа государств с ним сотрудничать, возможность которого в то время только предполагалась, а впоследствии, к сожалению, оказалась фактом. Процедура, предусмотренная в статье 61 Правил процедуры и доказывания, оказалась каким-то гибридом, юридическим монстром, суррогатом, который никого не устраивает[2]. Однако, несмотря на все недостатки и ограниченный характер процедуры, судебная практика доказала ее полезность. Она позволяет оказывать не только не ослабевающее, но и все возрастающее давление на обвиняемых при возможном содействии Совета Безопасности, пока политическая обстановка не изменится так, что можно будет произвести их арест и не позволить им уйти от наказания.

Позиция, которую занимают Международные трибуналы, в частности Трибунал по бывшей Югославии, в вопросе сотрудничества с государствами, является в конечном счете реалистичной и позволяет сочетать твердость принципов с гибкостью в практических действиях. Гаагский трибунал при поддержке Совета Безопасности неоднократно напоминал, что государства обязаны с ним сотрудничать. Об этом обязательстве говорил и председатель Международного трибунала по бывшей Югославии Антонио Кассезе в примечательном постановлении от 3 апреля 1996 г. относительно запроса об изменении условий содержания генерала Блашкича. При рассмотрении этого дела он указал, что данное обязательство возлагается на государства еще до промульгации внутригосударственных законов о применении, а также уточнил его характер, проведя различие между обязательствами в отношении порядка действия, средств и результатов. Даже если такой анализ не вполне убедителен[3], он свидетельствует о тех больших усилиях, которые предпринимает Трибунал, чтобы сделать свою работу эффективной.

События, имевшие место летом 1997 г., — арест Славко Докмановича 27 июня и Милана Ковачевича 10 июля — показали, что Трибунал способен проявить реалистичный и прагматичный подход к установлению сотрудничества с государствами. Эффективность часто требует конфиденциальности. Общественность открыла для себя до сих пор неизвестную сторону деятельности

---

[1] S/25266 du 10 février 1993, article XV, par. 2. К сожалению, имел место отказ от заочного рассмотрения дел — см. *Alain Pellet*. Le Tribunal criminel pour l'ex-Yougoslavie. Poudre aux yeux ou avancée décisive? — Revue générale de droit international public, 1994, pp. 7–60, notamment p. 48, et *Paul Tavernier.* Vers une juridiction pénale internationale? — dans *Cao Huy Thuan, Alain Fenet*. Mutations internationales et évolution des normes. PUF, Paris, 1994, pp. 137–154.

[2] Оценка, приводимая в *H. Ascensio, A. Pellet, op cit.* (note 9), p. 110: статья 61 является «жалким подобием заочного судебного рассмотрения дел в суде». В работе *F. Patel-King, A.-M. La Rosa* (*op. cit.* (note 14), p. 142) указывается на те юридические проблемы, которые возникают в случае ее применения. A. Klip (см. сноску 2, с. 23) резко критикует процедуру, предусмотренную статьей 61, с точки зрения как обвиняемого, так и свидетелей.

[3] См. наш доклад, представленный участникам коллоквиума Французского общества международного права (Страсбург, май 1997 г.), в *Andrew Drzmcewski, Paul Tavernier.* L'exécution des «décisions» des instances internationales de contrôle dans le domaine des droits de l'homme (à paraître), Editions Pedone.

Трибунала, узнав об этих арестах, произведенных при содействии отдельных западных стран, которые подготовили спецподразделения для операций такого рода. Оправдывая эту необычную процедуру, обвинитель Луиза Арбур доказывала, что она была осуществлена в целях обеспечения эффективности. Следует заметить, что в статье 53*B* Правил процедуры и доказывания предусматривается, что обвинительный акт может не доводиться до сведения общественности до тех пор, пока его не вручат обвиняемому лицу; правда, неизвестно, была ли такая возможность использована[1].

Эти аресты, произведенные специально подготовленными и экипированными людьми, напоминают похищение Эйхмана, совершенное израильскими спецслужбами в Аргентине, и заставляют задуматься о том, оправдывает ли цель средства. Да, такие действия способствуют тому, чтобы процесс состоялся, ибо они обеспечивают присутствие обвиняемых в Гааге. Но использование подобной процедуры оправдано только в том случае, если Трибунал уверен, что государства будут с ним сотрудничать. В противном случае он лишает себя возможности применять статью 61 Правил процедуры и доказывания: заботясь об эффективности, он может отсрочить наказание обвиняемых. Следует, впрочем, заметить, что в деле о Вуковарской больнице Трибунал предал гласности обвинительный акт и использовал процедуру, предусмотренную в статье 61, в отношении трех обвиняемых и в то же время занял позицию неразглашения в отношении Докмановича. Вторая операция проводилась при содействии сил НАТО и Сил по стабилизации[2]: в результате один из обвиняемых погиб, а второй — был схвачен. Она не должна оставаться единичной, иначе ее можно рассматривать как алиби, которое вводит в заблуждение общественное мнение и позволяет другим военным преступникам, из тех, на ком лежит основная ответственность, избежать преследования и жить спокойно.

Аресты, осуществленные летом 1997 г., произвели — и вполне обоснованно — глубокое впечатление на общественное мнение. Они, несомненно, позволят Гаагскому трибуналу дополнить и конкретизировать и без того достаточно богатую судебную практику.

Конструктивный характер судебной практики

Уже вынесенные многочисленные решения, особенно решения Трибунала по бывшей Югославии, позволили международным уголовным инстанциям развить прогрессивную и конструктивную судебную практику в области международного права в целом и международного гуманитарного права в частности. Эта практика касается не только самых разных вопросов, связанных с процедурой и юрисдикцией, но и чрезвычайно важных принципиальных проблем. Не претендуя на исчерпывающий анализ, мы остановимся на некоторых из них — тех, которые, как мы полагаем, имеют особое значение: о справедливом судеб-

---

[1] Эрик Давид скептически отозвался о практической ценности такого отсутствия гласности: Le Tribunal international pénal pour l'ex-Yougoslavie. — Revue belge de droit international, n° 2, 1992, pp. 565–598, notamment pp. 590–591.

[2] Силы НАТО по стабилизации в Боснии и Герцеговине.

ном разбирательстве, о различии между международными и внутренними конфликтами, о роли обычая в международном гуманитарном праве.

Вопрос об уважении права на защиту и на справедливое судебное разбирательство был в центре многочисленных прений в Трибунале по бывшей Югославии; ему уделялось особое внимание при разработке Уставов обоих Трибуналов. В статье 21 Устава Трибунала по бывшей Югославии и в статье 20 Устава Трибунала по Руанде предусматриваются в принципе те же гарантии, которые оговорены в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Особого внимания заслуживают две проблемы: заочное рассмотрение дела и анонимные свидетели. Первую мы уже рассматривали, говоря о поисках путей, позволяющих добиться эффективности Международных трибуналов, но делали это с точки зрения справедливости судебного разбирательства. Как мы видели, от процедуры заочного рассмотрения дел отказались в целях соблюдения принципа справедливости, однако Комитет по правам человека считал, что при некоторых условиях эта процедура не противоречит положениям Пакта[1]. Некоторые авторы англосаксонской школы даже выступили с критикой процедуры, предусмотренной в статье 61 Правил процедуры и доказывания, которая, по их мнению, означает посягательство на права обвиняемого, в частности — в случае последующего разбирательства, когда обвиняемый предстанет, в конце концов, перед судом.

Весьма непрост и вопрос использования анонимных свидетелей[2]. Юристы англосаксонской школы относятся к этой практике резко отрицательно, ссылаясь на требования справедливого рассмотрения дела. Тем не менее статья 22 Устава Международного трибунала по бывшей Югославии (статья 21 Международного трибунала по Руанде), касающаяся защиты потерпевших и свидетелей, предусматривает «проведение закрытых разбирательств и сохранение в тайне личности потерпевшего», а в статьях 69 и 75 Правил процедуры и доказывания уточняется порядок предоставления этой защиты, в том числе — неразглашение личности потерпевшего или свидетеля. По-видимому, эти меры действительно необходимы, поскольку свидетели, которые часто являются жертвами, дав показания в суде, могут подвергнуться большой опасности, когда вернутся на родину. Такие меры по защите свидетелей принимал Трибунал по бывшей Югославии (решение от 10 августа 1995 г.) при рассмотрении дела Тадича[3]. В то же время Трибунал по Руанде подобных мер не принимал, что может вызвать

---

[1] См. *Paul Tavernier*. Le droit à un procès équitable dans la jurisprudence du Comité des droits de l'homme des Nations Unies. — Revue trimestrielle des droits de l'homme, n° 25, 1996, pp. 3–22, notamment pp. 13 et 14.

[2] *André Klip*. Witnesses before the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia. — Revue internationale de droit pénale, vol. 67, 1996, pp. 267–295; *Monroe Leigh*. The Yugoslav Tribunal: Use of Unnamed Witnesses against Accused. — American Journal of International Law, vol. 90, April 1996, pp. 235–238.

[3] Трибунал пытается уравновесить интересы обвиняемого и интересы свидетелей. Он выдвигает пять довольно жестких условий, позволяющих хранить в тайне личность свидетелей. Наряду с решением Трибунала существует весьма аргументированное особое мнение судьи Стивена, которое строго основывается на концепции справедливого судебного рассмотрения, близкой к англосаксонской концепции.

удивление[1]. Как бы там ни было, судебная практика указала на важность разбирательства, справедливого не только в отношении обвиняемого, но и потерпевшего и свидетеля, поскольку они находятся в уязвимом положении и заслуживают помощи и защиты.

Другим важным вкладом Международных трибуналов в судебную практику явилось стирание грани между внутренними и международными конфликтами. Конфликты в бывшей Югославии и Руанде сочетают признаки и тех, и других, поэтому проведение различия между двумя данными типами конфликтов было бы произвольным, хотя международное право и гуманитарное право предусматривают разные нормы, применимые к двум означенным категориям ситуаций. Указанный вопрос рассматривался при обсуждении юрисдикции, в частности — во время слушания дела Тадича (решение Апелляционной камеры от 10 октября 1995 г.)[2]. Трибунал сумел сгладить различия между ситуациями внутреннего и международного конфликтов, и в том, что касается обязательства сотрудничать с ним, оно возлагается на государства, а также на негосударственные структуры, хотя в документах (Устав и Правила процедуры и доказывания) об этом ничего не сказано. В решении по делу Блашкича, которое уже упоминалось, председатель Трибунала Кассезе без колебаний подчеркнул, что речь идет об обязательстве, которое должно соблюдать любое государство и даже «любое другое существующее *de facto* правительство».

Размывание четких различий между внутренними и международными конфликтами способствовало возникновению одного обычая в области гуманитарного права. Впрочем, можно сказать, что размывание границ явилось результатом появления этого обычая. Гаагский трибунал — и это следует поставить ему в заслугу — принял этот обычай во внимание и официально закрепил его существование и содержание. И здесь снова упомянем решение Трибунала от 2 октября 1995 г. по делу Тадича, которое содержит весьма интересные выводы, заслуживающие обстоятельного комментария; они уже вполне обоснованно привлекли внимание юристов-теоретиков[3]. Следует отметить, что в решении от 7 мая 1997 г. Трибунал воспроизвел и дополнил положения, выдвинутые Апелляционной камерой. В нем дается подробный анализ, проистекающий из обычного права, к которому относится запрет преступлений против человечности, содержащийся в статье 5 Устава Трибунала (пункт 618 и последующие пункты решения), а также принципа личной уголовной ответственности, предусмотренной статьей 7, пункт 1, Устава (пункт 663 и последующие пункты решения). Таким образом, при вынесении решений Трибунал

---

[1] Впервые Международный трибунал по Руанде заслушал свидетелей 17 января 1997 г. при рассмотрении дела Акайезу.

[2] С более глубоким анализом проблемы и критическими замечаниями по этому вопросу можно ознакомиться в работе *H. Ascensio, A. Pellet, op. cit.* (note 9), p. 125 et suiv.

[3] См., например, *Theodor Meron.* The Continuing Role of Custom in the Formation of International Humanitarian Law. — American Journal of International Law, vol. 90, April 1996, pp. 238–249. См. также замечания Луиджи Кондорелли в его общих выводах, сформулированных на Женевском коллоквиуме в октябре 1995 г.: *Luigi Condorelli, Anne-Marie La Rosa, Sophie Scherrer.* Les Nations Unies et le droit international humanitaire. Editions Pedone, Paris, 1996, pp. 445–474 et notamment p. 466.

по бывшей Югославии широко использует обычай и положения, развивающие международное гуманитарное право, и в то же время — сам способствует его развитию.

Заключение

В конечном счете опыт, накопленный обоими Международными специальными трибуналами, оказался во многом положительным, несмотря на трудности, с которыми им пришлось столкнуться, а также на слабости и недостатки, присущие им с момента создания.

Впоследствии эти органы укрепились благодаря активной и новаторской деятельности, практически не знающей прецедентов (процессы в Нюрнберге и Токио проходили в совершенно иных условиях). В судебной практике Трибунала, особенно Гаагского, прослеживается решительное стремление к самостоятельности, в частности по вопросу анонимных свидетелей, который рассматривался Комитетом по правам человека ООН в свете Международного пакта о гражданских и политических правах, а также Европейской комиссией и Европейским судом по правам человека. Но такое стремление к самостоятельности проявилось еще сильнее — и мы об этом уже говорили — по отношению к органу, который учредил эти суды: Гаагский трибунал без промедления взял на себя функцию контроля законности своего создания и тем самым — законности соответствующей резолюции Совета Безопасности.

Анализ судебной практики специальных Трибуналов позволяет говорить и о другом положительном результате: постепенно осуществляющемся, хотя и не без трудностей, слиянии двух правовых систем — англосаксонской и континентальной. Этот необычный процесс, результаты которого еще далеки от совершенства, продолжится и в будущем.

На опыт деятельности обоих специальных Трибуналов часто ссылаются и в дискуссиях о создании постоянно действующего международного уголовного суда, призванного действовать в мировом масштабе. Учреждение в 1993 и 1994 гг. двух Трибуналов привело к возобновлению обсуждения этого вопроса в Комиссии международного права ООН, а проведение в 1998 г. международной конференции обещает принести положительные результаты. Сегодня уже решены многие вопросы практического характера, произведен сравнительный анализ.

Результаты деятельности Международных трибуналов привлекли внимание юристов, а в специализированных журналах было опубликовано множество комментариев на эту тему. Необходимо подчеркнуть, что особый интерес к этим судебным органам проявляют молодые юристы и студенты. Университетам следует поощрять такой интерес и поддерживать надежды, возлагаемые на международную уголовную юрисдикцию, так как здесь имеется значительный потенциал, и его надлежит использовать для развития международного гуманитарного права. Однако в обеспечении эффективной деятельности международных трибуналов основная ответственность, несомненно, ложится на государства. Об этом свидетельствуют усилия, предпринимаемые ими с целью

обеспечить присутствие обвиняемых на процессе. Луиза Арбур, главный обвинитель Международного трибунала по бывшей Югославии, выразила оптимизм по этому поводу: «Сейчас, когда под деятельность Трибунала подведена прочная база, я совершенно убеждена, что арест или добровольная явка в суд Караджича — это дело времени и обстоятельств... Со времени ареста Милана Ковачевича, который был осуществлен на основании негласного приказа, мы глубоко удовлетворены сотрудничеством с Силами по стабилизации», то есть с государствами НАТО[1]. Необходимо, чтобы эта политика решительно проводилась в жизнь и в дальнейшем. Только таким образом можно избежать безнаказанности самых одиозных преступников, которая и с правовой, и особенно с нравственной точки зрения недопустима.

---

[1] Интервью газете «Монд» от 30 августа 1997 г.